

Александр Богданов

Светлый лик

Александр Алексеевич Богданов

СВЕТЛЫЙ ЛИК

*Текст предоставлен правообладателем
Светлый лик: 1914*

Аннотация

«...Жизнь отца Герасима была радостна и легка.

Он священствовал в селе Суховедринке четвертый год. Приход попался богатый, причт – тихий и не кляузный, а – главное – матушка Антонина Васильевна, с которой он до свадьбы не сказал и двух слов, оказалась хорошей женой, не сварливой, не избалованной и во всем мужу послушной...»

Богданов Александр Алексеевич Светлый лик

Жизнь отца Герасима была радостна и легка.

Он священствовал в селе Суховедринке четвертый год. Приход попался богатый, причт – тихий и не кляузный, а – главное – матушка Антонина Васильевна, с которой он до свадьбы не сказал и двух слов, оказалась хорошей женой, не сварливой, не избалованной и во всем мужу послушной.

Как-то само собой выходило, что каждый день приносил отцу Герасиму что-нибудь радостное: то пчелы хорошо на новой пасеке велись, – полные роевни молодых роев огребали, то – по случаю – казанские ковровые сани он за бесценок приобрел, то благодарность за школу из консистории через благочинного получил. На втором году священства родился у него сын Вика, – опять хорошо, что сын, а не дочь, – и еще второго, – сына же, – ждала матушка.

По праздникам новый просторный дом о. Герасима набивался гостями. Лепегинский молодой батюшка с женой, Олшанский – с женой, Верховозимский вдовый – со свояченицей, девушкой-вековушкой. Приходил местный дьякон Феоктист, старичок из малограмотных пономарей, и псаломщик Палладий Леонидыч, выгнанный за малоуспешность семи-

нарист, мечтающий о дьяконском сане. Гости играли по маленькой в стуколку, пили, ели, вели разные разговоры.

На Казанскую в Суховедринке престол. С утра в доме о Герасима запахло жареными в сметане карасями, курами и всякими закусками. Съехались и знакомые. Матушка в муслиновом светлом платье, в кружевах, торжественная и благоухающая гелиотропом, порхала, принимая поздравления. Отец Герасим, тоже нарядный и сияющий, сам расставлял на столе привезенные из города вина, – портвейн и церковный кагор – для женского пола, горькую – для мужского.

Терраса, где сидели, была просторная, обвитая лиловыми и алыми колокольчиками вьюнков; матушка любила цветы и сама выращивала весной в ящиках разные сорта, – астры, петушии гребешки, циннии, резеду.

Через решетчатую ограду палисадника виднелась белая – точно обложенная холстами – церковка. В ограде кричали задорно воробьи. С полей пахло сытным солодовым запахом вызревшей ржи. Солнце косыми лучами золотило придорожные березки, кругом так много было бесхитростной деревенской простоты, и на душе у всех было беззаботно и отраднo.

Отец Герасим с восхищением показывал новинку: привезенный из города граммофон. Гости слушали и одобряли. Дьякон Феоктист даже умилился, постучал толстым пальцем по никелированной блестящей трубе и растроганным прослезившимся голосом спросил:

– А кого это, позвольте узнать, представляют?..

– Шаляпина... – ответил о. Герасим.

– Шаляпина... Шаляпина!.. – стараясь запомнить, повторил Феоктист. – Хм... До чего, можно сказать, ухищрение человеческой мысли доходит!.. Наши деды лаптем щи хлебали, – отец мой пастухом свиной барских гонял, а я вот теперь – Шаляпина слушаю... Верно, что «солнце в тюрьме нашей жизни восходит»...

Дьяконица недовольно покосилась на мужа, вытерла платочком губы и сказала с досадой:

– И всегда ты, отец дьякон, как выпьешь, так что-нибудь несуразное сморозишь!.. Чего это тебе про пастуха вспомнулось?.. Спрятал бы подальше язык!.. Вы уже не осудите его, – знаете, какой он у меня!..

Но все были настроены благодушно, и никто не думал осуждать Феоктиста. А отец Герасим даже ласково сказал:

– Хотите повторю?

И опять граммофон запел:

Солнце всходит и заходит,

А в тюрьме моей темно...

После Шаляпина слушали какой-то марш, потом два немецких вальса и польку. Псаломщик Палладий Леонидыч спросил:

– А что у вас кадрили, отец настоятель, не имеется?..

– Нет...

– Жаль, очень жаль!.. Под приятную музыку на святках хорошо бы этакую кадриль дернуть!..

Солнце уже стояло от земли дуба на три, и холодеющие тени выбегали на дорогу, когда около палисадника зазвякали ленивым перебором колокольцы. Вскоре на террасе явился земский фельдшер Петр Иванович и, держа под мышкой смятую пыльную фуражку, стал обходить батюшек и матушек, пожимая руки.

– Мое почтение!.. С престольным праздником!.. Отдыхайте после службы?.. Пир во время чумы, или, верней выразиться, – перед чумой?..

Лица батюшек вытянулись, и все тревожно спросили:

– А что такое?.. Неужели чума?..

– А вам чумы хочется?.. – смеялся добродушный фельдшер. – Успокойтесь... Пока – Бог миловал – только холера!.. Сейчас с холерного совещания... Э-э-ге!.. А у вас я вижу граммофон?.. Поздравляю!..

– Подождите-ка, какой там граммофон!.. – перебил его Верховозимский батюшка... – Вы вот лучше расскажите, что знаете... Неужели холера?..

– Не извольте сомневаться!.. Верно, как на аптекарских весах... Самая настоящая, утвержденная Высочайшей комиссией, Cholera asiatica! Сегодня уезд объявлен неблагополучным... Да разве вы не читали?.. Пять смертей и четырнадцать заболеваний... Дорого изволили, батюшка, за грам-

мофончик заплатить?..

– Сорок рублей... – ответил о. Герасим, смущенный тем, что фельдшер явно уклоняется от разговора о холере.

– Ай-ай, – какие вы право... отчаянные!.. – проговорила Ольшанская матушка, удивляясь веселому беззаботному виду Петра Иваныча. – Как это вы умереть не боитесь?..

– Что делать!.. Привычка-с!.. – шутливо ответил он. – По привычке, говорят, и с колокольни прыгают...

В мирное благодушное настроение против воли ворвались омрачающие нотки. Батюшки заговорили о надвигающейся беде. Заспорили, кому тяжелей, – фельдшерам, или священникам, – и решили, что священникам.

– Нет, какое же может быть сравнение?.. – обиженным тоном говорил Верховозимский батюшка... – У вас там в аптеке все под рукой... Прикоснулись к больному, – сейчас, значит, и руки в карболовку... А у нас где же возможно чистоту соблюдать?.. И так бывает: одной требы не кончишь, как уж на другую из избы зовут: «Пожалте, батюшка, – исповедать там, иль причастить!»... Да еще семью утешать надо!.. Покойников хороним, – всякие тоже бывают... Какой бы болезнью ни умер человек, без христианского обряда – как собаку – в землю не зароешь!..

Дьякон Феоктист вспомнил и рассказал, какая холера была в девяносто втором году.

– Суховедринка наша – того... всегда из-за воды бедствовала... Оголихин пруд, – знаете – вода ржавая да зацвелея!..

От нее больше болели... В страду – как мухи – того... мерли... По одинцать покойников сам с батюшкой отпевал... Полсела вымерло... Церковь наша в те поры строилась, так живописец у батюшки жил, Андрей Федорыч Чебышов, – иконостас в приделе домалевывал... Вот человек так человек!.. Гигант!.. Росту – четырнадцать вершков, в плечах ко- сая сажень... Ну, и забери холера того живописца... Как за- чала она его крЮчить, забрался он в чуланчик, – плечами-то в одну стенку, а ногами в другую... «Врешь, говорит, не сдамся!»... Она его в одну сторону, а он в другую, супро- тив нее свою атаку ведет... «Не уступлю, говорит!» Батюш- ка-то – тогда отец Валентин был – такой же вот молодень- кий – как остомелый, да без шапки, да с распущенными во- лосами, по селу-то бегом... бегом!.. «Помогите, люди пра- вославные!»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.